

Культура. — 2004. — 17-23 июня. — с. 4

ПЕРСОНА

НИКИТА МИХАЛКОВ:

“Это демонов немощные дерзости”

— Никита Сергеевич, ваша работа в Российском фонде культуры традиционно привлекает меньше внимания средств массовой информации, чем любая другая ваша общественная или профессиональная деятельность — будь то председатель СК России или президент ММКФ. Но ведь менее эффективная не означает менее эффективная или важная. В свое время создание Фонда культуры под руководством Д.С.Лихачева стало огромным гуманитарным прорывом — но это было в совсем другой стране... Что вы считаете наиболее важным в деятельности фонда сегодня?

— Действительно, в СССР Фонд культуры был богатейшим фондом, который курировала “первая леди” страны Р.М.Горбачева. Соответственно и задачи намечались глобальные — сохранять, охранять, приумножать культурные ценности. Кстати, это было правильно и гуманно, и роль Дмитрия Сергеевича Лихачева здесь очень велика. Но когда все это рухнуло, выяснилось, что денег нет. Нам пришлось начинать, в сущности, с нуля. У нас сегодня задачи менее пафосные, потому что нет прежних возможностей. Появятся возможности — и задачи будут им соответствовать. Конечно, в фонде существует много разных программ. Среди них есть видимые, броские, яркие — фестивали, дни культуры, “Новые имена”. Например, в этом году мы в седьмой раз будем проводить Дни русского искусства в Канне. А есть программы неспешные, медленные, не столь заметные, скажем, по славянской письменности, “Культура и армия”, “Культура и здоровье”, “Сельская церковь”. Их содержание невозможно сконцентрировать в одной акции — собрались в Кремлевском дворце, спонсоров подобрали, Газманов спел — и все в порядке. Это кропотливая, тяжелая, неблагодарная работа, результат которой проявится не сразу. Или направление, связанное с сохранением культурных ценностей — у нас ведь серьезный депозитарий: люди нам верят и передают свои архивы, картины. Я надеюсь, даст Бог, что появятся помещения, где мы наконец сможем сделать постоянную экспозицию и, поверьте, она будет уникальной. Но приоритетной задачей я считаю все, что связано с поддержкой российской провинции, ее культуры, традиций: от сохранения маленьких сельских церквей до поиска новых имен. Причем главное не в том, чтобы там находить талантливых людей и помогать им осесть в Москве, а в том, чтобы создавать такие условия, при которых им интересно будет работать у себя дома, там, где они живут. Где родился — там и содился... Ключевский ведь очень точно писал, что в России центр — это провинция. И поэтому хотя у фонда есть проекты, связанные и с русской

диаспорой, и с Евразийским союзом, более важно не потерять окраины, а у нас окраины начинаются за Кольцевой дорогой.

— Но “не потерять окраины”, как мне кажется, — это прежде всего добиться одинакового для всей страны уровня жизни, а значит, равного набора возможностей. Разве могут культурные программы — при всем уважении к тем, кто этим занимается, кардинально изменить ситуацию? И разве не выглядят они как своего рода извинения Москвы за то, что она живет лучше? И люди принимают эти извинения — чаще с благодарностью, но нередко и с неприязнью...

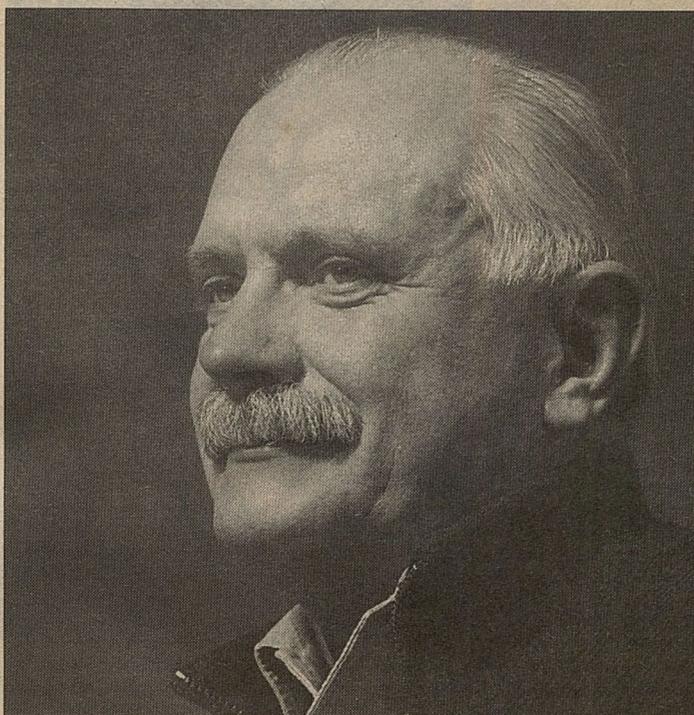
— Я понимаю, что вы имеете в виду. Да, такие настроения существуют: не желаем тебя знать, Первопрестольная, ты стала придатком Запада, хотя, честно говоря, не так уж часто мне приходилось это слышать. Но ведь для них есть основания. Огромную часть столичного истеблишмента провинция интересуется постольку, поскольку она позволяет им жить так, как они живут, в том числе за счет немалого количества людей, которые оказались вычеркнуты из потенциала гигантской страны. И помните, я не к дележу призываю, просто каждый должен отдавать себе отчет в том, что человек есть не средство, а цель. Антон Павлович Чехов очень чутко воспринимал чужое несчастье. Он писал, что за стеной у каждого счастливого человека должен стоять кто-то с молоточком, чтобы постоянно напоминать о несчастье других. Я говорю об этом не из идеологических или каких-то прагматических соображений. Я действительно об этом думаю. И в Союз кинематографистов — что бы там ни говорили злые языки — пошел от стыда, что богатейший союз, который имел гигантское влияние, превратился в ничто. Мне стыдно, что великий кинематограф и люди, которые его делали, живут в такой нищете. И я прилагаю огромные усилия, свои связи, возможности и достаток употребляю, чтобы попытаться хоть как-то стабилизировать ситуацию.

— Вы действительно в это верите, поскольку сегодня намерение вернуть былой блеск любому из творческих союзов выглядит скорее мечтой, чем реальным планом?

— Да, верю и надеюсь, что это получится. Хорошо бы только, чтобы поменьше мешали те, кому я стараюсь помочь, но это уже другая история...

— Коль скоро речь зашла о СК, вы, вероятно, слышали об озабоченности судьбой Дома кино. Иными словами, останется ли Дом кино профессиональным клубом кинематографистов в своем традиционном, привычном виде?

— А чем он может стать? Казино?
— Например, одним из офисных

Н. Михалков

центров, которых немало в центре Москвы.

— Понимаете, Дом кино требует ремонта — это всем давно и хорошо известно. Мелкий ремонт не спасает и в результате обходится дороже, что тоже понятно. Значит, надо принимать глобальное решение, отдавать какие-то площади инвестору, а себе получить три или четыре зала, помещения для всех гильдий и какие-то метры, которые можно сдавать и на это жить. Беда в том, что, к сожалению, многие люди живут сплетнями и слухами. Их не интересует правда, они не хотят верить, что бывают люди, для которых имя важнее денег, а человеческое достоинство не позволяет взять чужого. Как правило, публичную тревогу бьют именно те, кто поступил бы именно так, как, он позревает, поступят другие. И не праведный гнев руководит ими, а зависть жулика, которому что-то не досталось.

— Так получилось, что в этом году кинофестивали вызвали дискуссии, далекие от эстетических художественных проблем. В частности, накануне “Кинотавра” и в преддверии ММКФ Марк Рудинштейн выступил с резкой критикой самой тактики отбора картин на Московский фестиваль...

— Я сам не читал, но мне рассказывали. И, честно говоря, я не понимаю, в чем тут дело. Есть ММКФ — фестиваль класса А, который по регламенту не имеет права показывать фильмы, засвеченные на других фестивалях. Я посмотрел картину “Время жатвы”, позвонил режиссеру Марине Разбежкиной, сказал, что хотел бы

стием. Вы знаете, я советовался со своим духовником, и он сказал: “Это демонов немощные дерзости”. Я успокоился.

— Складывается такое впечатление, что кинофестивалей, в том числе национальных, больше, чем создается фильмов фестивального уровня.

— Фестиваль — это замечательное дело, если, конечно, не превращается в синекхуру для толстосумов, которые приезжают “взъерошить бабки”. И “Кинотавр” — это замечательное дело. Очень правильная идея фестиваля в Выборге, во Владивостоке, Николай Бурляев в Иркутск поехал. Вообще фестивали нельзя стаскивать в Москву. Ребята, ездите по стране, хоть посмотрите, елки-палки, где вы живете... Но все это правильно и полезно в том случае, когда фестиваль — это прежде всего рабочее мероприятие, а не ленивая тусовка, когда на третий день перестают смотреть кино. На фестиваль надо приезжать, чтобы вкалывать. Я пять раз был в конкурсе Канна, и никогда минуты свободной не было — по 16 интервью в день...

— В этом году итоги Каннского фестиваля тривиальными не называете. Но, с другой стороны, более убедительной демонстрации осуждения кинематографическим сообществом войны в Ираке даже трудно себе представить.

— Кинематографическое сообщество, я убежден, осуждает войну в Ираке, но это не повод использовать для этого Каннский фестиваль, самый престижный смотр мирового кино. Это абсолютно политическое решение, которое оскорбило кинематографистов, и не только тех, кто участвовал в конкурсе... При том даже, что картина Мура... Понимаете, Мур — это такой храбрый, порядочный, цельный человек, для которого война в Ираке стала откровением. Но разве раньше не было понятно, что 90 процентов американцев не знают, где Ирак находится? А когда бомбили Косово, они серьезно хотели убедить мир, что защищают албанцев? Фильм Мура — это не более чем хороший репортаж, как, скажем, у нашего Аркадия Мамонтова. Это чистая публицистика, здесь нет создания образа, особого мира, которое и отличает художественное произведение от стенной газеты. Я считаю это дискредитацией фестиваля. А как вручалась премия... Никогда они не принимали так ни Бергмана, ни Феллини. Я испытал чувство недовольства и несправедливости. Если бы эта картина получила специальный приз жюри или даже дали еще одну “Пальмовую ветвь”, но не бросили к ногам политического решения престиж Каннского фестиваля, я бы это понял. А так — понять не могу.

— Теперь, если позволите, о ваших планах. Действие фильма “Утомленные солнцем-2” происхо-

дит во время войны — 41 — 43-й год. С одной стороны, о Великой Отечественной войне так много написано и снято, с другой — есть ощущение того, что не сказано еще больше...

— Меня интересует движение от частного к целому. Мне хочется, чтобы на примере истории какой-то жизни или жизни возник образ, за которым стоит огромная трагедия великого народа. Да, с одной стороны, у нас есть “генеральское” кино — когда командующие над картой принимают стратегические решения. Об этом существует огромный документальный материал, и это интересно делать, как сделал Озеров в “Освобождении”. А с другой стороны, есть В.Астафьев, который рассказывает совсем о другой войне, которая была частью той войны, но очень конкретной, — мозоли, пот, бинты, раны, грязь, страх, трусость, предательство. Есть великая война, в которой приняли участие с нашей стороны 28 миллионов человек, и свои внутренние поражения, и свой страх, и своя гордость. А как их всех объединить — это и есть та задача, которая меня очень волнует, хотя не знаю, по силам ли...

— В последние года Виктора Петровича Астафьева очень жестоко критиковали и, в сущности, как раз за стремление приблизиться к правде частного человека на войне, что оценивали как дегероизацию давно сложившегося мифа о Великой Отечественной. Вы готовы к такой критике?

— После того, что обо мне пишут, я готов ко всему. Но ведь самое важное — твоя точка отсчета. Один мудрец сказал: “Жестокая правда без любви есть ложь”. Может быть очень жестокая правда, но если в ней есть любовь и сострадание, ее поймут и примут. Историк Раш, например, считает, что советские историки отобрали победу у нашего солдата, потому что принимали роль германской армии. А ведь это была самая мощная армия в мире. И когда о таком враге пишут, что он был бездарным солдатом, босящимся морозов, значит, отобрают победу у нашего солдата. Я с ним согласен. Я и с Астафьевым согласен. Вообще Виктор Петрович мне потрясающе дорог...

— В каком состоянии сейчас этот проект, потому что зрители ждут его с нетерпением?

— Закончен сценарий.
— А кто автор сценария?
— Их много. И в свое время я обнаруживаю их в правильном порядке.

Беседу вел
Марина ИВАНОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ